



*Посвящается женщинам —  
целительницам душ,  
служительницам света,  
творительницам волшебства.*

Любовь творит чудо.  
Это высший смысл мироздания,  
благословение Вселенной.

*Новалис*



## Пролог

*Преданные воде останки подвергаются совсем иному разложению: в каком-то отношении более безжалостному, в каком-то — напротив, щадящему. Так мне, во всяком случае, объясняли. Нам, женщинам из рода Лун, не доводилось это узнать. Когда для нас приходит час покинуть мир, мы по традиции выбираем огонь, и пепел наш развеивают по той земле, которой наш род владеет уже больше двух веков. Мой прах отныне тоже там — смешался с прахом моих предшественниц.*

*Неужели с моего ухода минули лишь считанные недели? Недели неприкаянной подвешенности между двумя мирами — когда я, не в силах здесь остаться и не желая уйти навсегда, терзаюсь сожалениями и незавершенным делом. Эта отъединенность почему-то кажется мне чересчур долгой. Но сейчас я размышляю не о собственной смерти, а о гибели двух юных девушек — Хи-зер и Дарси Гилмэн, — произошедшей уже восемь лет назад. Около трех недель они считались без вести пропавшими, пока наконец тела их не вытащили из воды. Это жутко было наблюдать — однако смотреть на это мне все-таки пришлось. Полицейские настойчиво прочесывали мой пруд, полностью уверенные, что найдут там то, что ищут. И почему бы нет — если уже весь городок косился в мою сторону! Из-за того, кто я такая. Из-за того, какая я. Или по крайней мере какой я представлялась в их глазах.*

*Память, похоже, ничуть не умирает вместе с плотью. Сколько лет уже прошло с того страшного дня у пруда, а я до сих пор помню каждую подробность — все это раз за разом безжалостно проносится передо мной, словно по замкнутому кругу. И шеф полиции в высоких болотных сапогах, и его люди в лодке. И фургон судебных медиков, стоящий неподалеку с широко распахнутыми задними дверями в ожидании нового скорбного груза. И белое как кость лицо несчастной матери, которая вот-вот узнает судьбу своих дочерей. И перешептывания, перебегающие по толпе, точно электрический ток. И наконец — красноречивый пронзительный свист.*

*Над собравшимися воцаряется тишина — та, что подавляет всех собственным грузом, грузом смерти. Наконец на свет показывается первое тело, и вымокший труп вытягивают на берег. Никто не в силах даже пошевелиться при виде безвольно повисшей руки в грязной коричневой куртке, из рукава которой стекает вода. И этого раздувшегося, почерневшего лица, полуприкрытого налипшими темными прядями мокрых волос.*

*Полицейские крайне бережно обращаются с погибшей — с какой-то жуткой деликатностью, которую мучительно наблюдать. Я понимаю, что так они стараются сохранить возможные улики, и по спине у меня пробегает холодок. Теперь в полиции могут завести дело. Причем дело это будет состряпано против меня.*

*Спустя немного времени появляется и второе мертвое тело. И тут тишину разрывает страшный вопль. Сердце матери не в силах вынести этой картины — во что обратились ее милые девочки.*

*С этого все и закрутилось. Тот жуткий день положил начало и всему остальному. Концу нашей родовой фермы. А возможно, — и концу самого рода Лун.*

# Глава 1

16 июля

Альтея Лун умерла.

Таков был главный смысл письма.

Умерла одним воскресным утром в собственной постели. Умерла после долгой изнурительной болезни. Умерла и уже кремирована, а ее пепел развеян по земле на восходе полной луны, согласно завещанию покойной.

Комната словно окуталась туманом. Сквозь пелену слез Лиззи просмотрела письмо дальше, едва различая лаконичные убористые строки:

*«Поскольку местонахождение Вашей матери на данный момент неизвестно, Вы становитесь единственной владелицей “Фермы Лунных Дев”. В соответствии с последними пожеланиями Вашей бабушки, отправляю Вам эту бандероль».*

Внизу письма стояла подпись — *Эвангелина Бруссар*. Имя это ей знакомым не показалось, но из письма совершенно определенно следовало, что эта дама — кем бы она ни являлась — знала о последних днях Альтеи куда больше, нежели Лиззи. Сама она даже не в курсе была, что бабушка вообще чем-то болела.

Лиззи сдержала подступивший плач, ощущая на языке солоноватость скорби вкупе с чувством вины, и потянулась за посылкой, которую сопровождало письмо. Завернутая в крафтовую бумагу, она казалась уже изрядно потрепанной. Лиззи посмотрела на красный чернильный штамп, идущий поперек упаковки: *«Вернуть отпрати-*

телю». Очевидно, сначала бандероль выслали на прежнюю квартиру Лиззи, оттуда нынешние жильцы вернули ее отправителю, и уже потом ее адресовали по месту работы получателя.

Она все собиралась послать Альтее открытку об изменении своего адреса, но, как и в отношении многого другого в последнее время, Лиззи оказалось совсем не до того. Разрывая упаковку, она на миг задержала дыхание, а потом резко выдохнула, увидев черный переплет из тонко обработанной кожи. Она очень хорошо знала этот переплет. Это была книга для записей, которую Альтее преподнесла ей на шестнадцать лет. Такую именную книгу получали на шестнадцатилетие все девушки рода Лун.

Дрожащими пальцами Лиззи провела по крышке переплета, по ребристому корешку, по шершавому, неровному обрезу страниц — уже давно прекрасно зная их на ощупь. В Сейлем-Крике, в бабушкином читальном уголке, стояли, запертые в книжном шкафчике, еще восемь точно таких же книжек, и каждая была названа именем той, из-под чьего пера она вышла: «Книга Сабины», «Книга Доротеи», «Книга Авроры» — и так далее через все поколения. Надо полагать, девятая — «Книга Альтее» — теперь должна была занять место среди них. Эти книги являлись исконной традицией семейства Лун — своего рода обрядом принятия каждой Лунной Девы в родовую Стезю. Целые тома из скрупулезно записанных рецептов снадобий и блюд, сакральных благословений и отрывочных высказываний женской мудрости — бережно хранимых для будущих поколений. И вот на столе перед Лиззи лежала теперь *ее* книга для записей — словно пресловутый несчастливый пятак, вернувшийся к ней помимо воли, — такая же пустая, как и в тот день, когда Лиззи ее только получила.

Она нехотя открыла книгу, прочитала предназначавшееся ей напутствие:

«Милой Эльзибет. Настало время и тебе писать свою историю».

Не Элизабет — а Эльзибет. У нее и имени-то даже нормального не было!

Когда ей исполнилось шестнадцать лет, Лиззи не имела ни малейшего желания продолжать эту традицию — и вообще иметь какое-либо отношение к причудливому наследию своего рода. Ей хотелось быть самым обычным, нормальным человеком — такой, как все *другие*. А потому она просто сунула врученную ей книгу в ящик стола и забыла о ней напрочь.

И вот, держа сейчас в руках эту пустую книгу для записей, Лиззи ощущала некое обвинение в свой адрес — напоминание о том, что, отвергнув священный родовой обычай, она тем самым отвернулась от всего, чем жила ее бабушка, чему та учила и во что верила. Лиззи могла бы, конечно, притвориться ради спокойствия Альтей, согласиться сделать то, что та ожидала от внучки, и заполнить эту книжку какой-нибудь никчемной писаниной. Обычные же девчонки заводят дневники — розовые, с сердечками на обложке и маленькими медными замочками, хранящими их тайны от чужого любопытства. Однако Лиззи была слишком упрямой, чтобы просто этому подыграть. Она твердо вознамерилась порвать с традициями рода Лун и вычертить собственный жизненный путь. И, надо сказать, она успешно это сделала — если судить по блестящей новенькой табличке на двери ее нынешнего кабинета. От первокурсницы в колледже Диккерсона к стажеру в «*Worldwide*» и до креативного директора в «*Chenier Fragrances, Ltd*» — и все это за каких-то восемь лет!

Однако даже спустя полгода после столь желанного повышения Лиззи никак не могла до конца свыкнуться ни с новой должностью, ни с целым шквалом перемен в своей жизни. У нее просто не было времени поделиться



этим с Альтеей — так она, во всяком случае, объясняла это себе. Между тем, если сказать откровенно, их общение в последние годы становилось все более спорадическим вовсе не по причине какой-то лени, а из-за крепко засевшего в душе у Лиззи ощущения вины. Ей казалось, было бы неправильно хвалиться своими успехами в то время, как у бабушки труд всей ее жизни — ее любимая травяная ферма — постепенно приходит в упадок и умирает на глазах. А потому Лиззи сумела убедить себя, что те чеки, которые она время от времени посылает бабушке, компенсируют и восьмилетнее ее отсутствие, и оставшиеся без ответа письма, и слишком редкие телефонные звонки. Разумеется, ничего они не компенсировали, ничего не искупили. И не могли искупить. А теперь уже слишком поздно было чем-либо поделиться с Альтеей.

Лиззи попыталась представить новую реальность — мир без Альтеи Лун, — но в голове это никак не укладывалось. Как такая женщина, исполненная мудрости, жизни и любви, вышедшая, казалось, из той самой земли, которую она так любила и за которой так заботливо ухаживала, — как такая женщина вообще могла покинуть этот мир!

Она ни разу даже не обмолвилась, что чем-то болела. Ни разу не заикнулась об этом в своих пространных письмах, где старательно излагались все местные новости. И тем не менее Эвангелина Бруссар упомянула продолжительную болезнь. Почему Альтея держала это в тайне от внучки?..

— О! Ты здесь? Ну, наконец-то нашел.

В растерянности Лиззи сморгнула вновь подступившие слезы, обнаружив возникшего в дверях ее кабинета Люка Шенье. Он только что постригся и выглядел еще умопомрачительнее, чем обычно, в своем сшитом на заказ черном костюме от Бриони. Он тоже всегда сознавал свою эффектную внешность, чем, кстати, сильно раздра-

жал Лиззи в ту пору, когда они еще встречались. Впрочем, теперь это ее уже не трогало.

Тихонько шмыгнув носом, она подавила остатки слез. Меньше всего на свете ей хотелось, чтобы человек, только что давший зеленый свет ее дальнейшему карьерному росту, вдруг застал ее плачущей за письменным столом. Или чтобы Люк стал осаждать ее неудобными расспросами, хотя бы на миг почувствовав, что она что-то от него скрывает.

Лиззи подняла на него взгляд, надеясь напустить на себя невозмутимость, и в то же время смахнула книжку себе на колени, подальше от его глаз.

— Тебе что-то нужно?

Люк расплылся в улыбке, сияя явно отбеленными недавно у дантиста зубами.

— Я искал тебя в обед, но мне сказали, у тебя совещание.

— Да, я была в отделе маркетинга. Пытались разработать концепцию новой кампании печатной рекламы. Мы еще не пришли к чему-то конкретному, но должны...

Люк взмахом руки прервал ее слова.

— Давай встретимся после работы. Я собирался пригласить тебя на ланч, но на ужин, пожалуй, будет даже лучше, ты не находишь?

Нет, она так ничуть не находила — хотя и не удивилась, что так думает Люк. Он привык всегда добиваться своего. Да и с чего бы ему не быть в себе таким уверенным? Этот мужчина каждой своей черточкой источал обаяние. Однако Лиззи не пронимало ни то, что выглядел Люк, как Джонни Депп, только без подводки, ни то, что его речи передался легкий французский акцент его матушки. Все это быстро потеряло для нее свою привлекательность.

Они сделали все возможное, чтобы сохранить свои отношения в тайне. Никаких заигрываний на работе и

публичных проявлений симпатии. Никаких ланчей, где бы не просматривались электронные таблицы или не обсуждались рекламные проспекты и презентации. Однако в тот вечер, когда было объявлено о повышении Лиззи, они отправились отпраздновать это к Даниелю, в знаменитый французский ресторан, и наткнулись там на Рейнольда Аккермана, адвоката из юридического отдела, который отмечал с женой двадцатилетие их супружеской жизни. И тогда Лиззи поняла, что ей предстоит немедленно сделать выбор: или покончить с этой связью, или стать участницей заурядного служебного романа.

Она оборвала их роман на следующий же день. Люк воспринял это достаточно спокойно. Возможно, потому, что они с самого начала установили такие правила игры: сочтя, что пришло время, любая сторона вольна уйти своей дорогой. Без всяких слез и взаимных обвинений. Однако потом он стал ей настойчиво давать понять, что, может быть, им все-таки продолжить с того места, где они расстались. Но это, с точки зрения Лиззи, было совершенно безнадежным вариантом.

— Так что? Как насчет вечера? — спросил от дверей Люк. — Можем двинуть в итальянский ресторан.

— Не могу. Извини.

— Давай забронирую нам столик в «Скарпетта». У них одни канолли чего...

— У меня умерла бабушка, — оборвала его Лиззи. — Сейчас вот получила письмо.

У Люка хватило такта мигом отбросить улыбку. Он зашел в кабинет и закрыл за собой дверь.

— Извини. Очень жаль. Не знал, что она была больна.

— Вот и я не знала. — Слова эти обожгли Лиззи даже больше, нежели она ожидала, и она поймала себя на том, что норовит спрятать от Люка взгляд. Плакаться друг другу в жилетку как-то не входило в их договоренности, а она сейчас готова была предаться именно этому.

— Не помню, чтобы ты много о ней рассказывала. Или вообще о ком-то из своей семьи, если на то пошло. Вы были с ней близки?

— Были, — ровным голосом отозвалась Лиззи. — Можно сказать, что она меня вырастила.

— Да уж... незадача.

Лиззи недоуменно уставилась на него из-за стола. *Незадача?! Разве это говорят человеку, у которого умирает любимый человек? Хотя что ей удивляться! Ей довелось увидеть, как Люк воспринял смерть близкого человека.*

Они уже несколько месяцев встречались, не афишируя своих отношений, когда мать Люка — наставник Лиззи в мире парфюма — в конце концов проиграла свою битву с раковой опухолью. Лиззи видела Люка на похоронах — как он пожимал руки и принимал соболезнования, изображая почтительного сына. Но уже к вечеру она не могла отделаться от мысли, что именно это он и делал — *изображал*, играл нужную роль. Поначалу Лиззи отнесла это отсутствие искренней скорби к тому, что болезнь его матери тянулась довольно долго. Что он имел время как следует подготовиться к ее кончине, примириться со скорой утратой, проститься. Теперь же Лиззи подумала: не слишком ли она ему польстила такими объяснениями?

— Сожалею о твоей утрате, — произнес он наконец и, потянувшись через стол, накрыл ее руку ладонью. — Тебе, вероятно, придется поехать туда на похороны.

Лиззи высвободила свою кисть и сунула между коленями, чтобы он не мог до нее дотронуться.

— Похорон не ожидается. Ее пепел уже успели развеять.

Люк вскинул брови:

— Что? Без тебя?!

Лиззи кивнула, не желая ему что-либо объяснять. Когда дело касалось ее семьи, она все подробности предпочитала сводить к минимуму. Если хочешь, чтобы тебя